

РОЖДЕНИЕ ЕВРОПЫ

IV. Феодалная Европа. XI—XII века

Сельскохозяйственный прогресс

И вновь будем отталкиваться от реальности, которая лежит в основе всего. Большая часть феодальной Европы была сельской, и основу ее составляло земледелие. Сегодня, хотя численность и значение крестьянства в Европе значительно убавились, сельское хозяйство, тем не менее, сохраняет первостепенную важность и по-прежнему представляет одну из самых острых проблем Европейского сообщества. Мир, в котором приходится реализовывать ОСП (общую сельскохозяйственную политику), достался нам от Средневековья. В этом мире все больше утверждается сельское хозяйство, основанное на выращивании злаков. Европа становится территорией, где господствует хлеб. В ней утверждаются также два главных напитка: во-первых, вино, значение которого со времен Древнего Рима возросло, поскольку оно используется в христианской литургии, — из-за этого виноградарство распространяется за пределы своей естественной климатической зоны, вплоть до севера Франции и юга Англии; во-вторых, ячменное пиво, предок пива современного. Европа разделяется на винную и пивную так отчетливо, что в XIII веке францисканцы заговорят о разделении монастырей их ордена на винные и пивные. На крайнем западе континента утверждается еще и третья Европа, в которой царит сидр. Начиная с тысячного года сельская жизнь, несмотря на региональные различия и оттенки, приобретает все большее единообразие, которое отмечено существенными чертами технического прогресса. Появляются признаки более высокой производительности труда, прежде всего в основном виде деятельности — в обработке почвы. На смену архаичной сохе приходит — особенно на равнинах Северной Европы — плуг, снабженный асимметричным лемехом и отвалом, но важнее всего, вероятно, то, что дерево заменяется железом. Техника пахоты совершенствуется и за счет тяги. В качестве тяглового скота по-прежнему используют на юге мула и осла, а на севере вола, но на северных равнинах вола теснит лошадь, и во Фландрии к XII веку именно лошадь станет преобладать в крестьянском хозяйстве. Возможно, усовершенствование упряжи, то есть изобретение хомута, увеличивающего тягловую силу лошади, и не имело столь революционного значения, какое ему приписывают, и все же его введение и распространение

свидетельствуют о стремлении улучшить методы обработки почвы.

Кроме того, на севере рождается новшество, которое будет иметь огромное значение для подъема урожайности и расширения ассортимента сельскохозяйственных культур. В систему севооборота, которая традиционно была двухгодичной — землю на год оставляли под паром, чтобы дать ей отдохнуть, — вводится третий участок земли, и таким образом получается трехгодичный севооборот, что позволило внедрить еще и бобовые культуры, а также повысить урожайность, поскольку можно было добиться двух урожаев в год.

Сегодня, когда нас все больше беспокоят проблемы окружающей среды и климатические изменения, нелишне будет заметить, что, возможно, мощный рывок вперед, начавшийся после тысячного года, объясняется отчасти обстоятельством, которое Марк Бомпер (Compaire) назвал «небесной поблажкой». Между 900 и 1300 годами в Европе царил климатический оптимум: средняя температура поднялась на один-два градуса, а влажность понизилась, что способствовало произрастанию зерновых культур.

Разделение на ячейки

Тысячный год и последующие десятилетия — это период основной перестройки социальной и политической структуры по всему пространству христианского мира, и эта перестройка глубоко повлияла на территориальную организацию Европы. Учитывая важную роль феодального замка в этой новой территориальной конфигурации, историки определяют ее итальянским словом, заимствованным из знаменитой книги Пьера Тубера (Toubert) о средневековом Лациуме; слово это — *incastellamento* (в приблизительном переводе: *организация всей жизни вокруг замка*). Робер Фоссье (Fossier), распространив это понятие на всю территорию средневекового Запада, стал говорить о «разделении на ячейки» (*encellulement*).

Каковы были основные ячейки данной структуры? Разумеется, замок, но кроме замка существовали еще три базовые ячейки: сеньория, деревня, приход. Сеньория — это территория, над которой господствует замок; она включает в себя земли и крестьян, которые находятся под властью сеньора. Таким образом, к сеньории относятся земли, люди, доходы от эксплуатации земель, а также повинности крестьян; кроме того, сеньория определяет всю совокупность прав сеньора, принадлежащих ему как военачальнику, призывающему вассалов к оружию (так называемый бан). Такое устройство существовало практически во всем христианском мире, поэтому историки предложили переименовать «феодальную систему» в «сеньориальную систему». Понятие же «феодальная система» имеет более узкое значение, подразумевая структуру, в которой сеньор стоит во главе фьефа (феода),

пожалованного ему как вассалу его сеньором; этот термин имеет строго юридический смысл.

Деревня и кладбище

Внутри сеньорий мы большей частью обнаруживаем сообщества крестьян и других жителей, называемые деревнями. Деревня пришла на смену разбросанным сельским поселениям античности и раннего Средневековья и распространилась в христианском мире начиная с XI века; и если замок в сегодняшней Европе входит в пейзаж лишь в качестве символа и воспоминания, часто в полуразрушенном виде, то средневековая деревня и поныне сохранила свои главные черты по всей Западной Европе. Деревня родилась из скопления домов и земельных участков вокруг двух основных элементов — церкви и кладбища. Робер Фоссье справедливо полагает, что кладбище — главный элемент, зачастую даже предшествовавший церкви. Здесь мы встречаемся с глубинными характеристиками средневекового общества, унаследованными от него современной Европой. Речь идет об отношениях между живыми и мертвыми. Одной из главных трансформаций, произошедших на Западе при переходе от античности к Средневековью, было то, что живые разместили мертвых в городах, а затем и в деревнях. Античный мир смотрел на мертвое тело со страхом, а подчас и с отвращением. Почитание мертвых осуществлялось только в семейном кругу или вне пределов человеческих поселений; покойников часто хоронили вдоль дорог. Христианство всё полностью меняет. Могилы с телами предков перемещаются внутрь городского пространства. Средневековье еще больше укрепит тесные отношения между живыми и мертвыми. Это одно из последствий изобретения Чистилища, «третьего места» потустороннего мира, в XII веке. А главное, начиная с XI века под влиянием монашеского ордена клюнийцев папство учреждает день поминовения мертвых — 2 ноября, накануне праздника Всех святых. Таким образом отдается должное главным мертвецам, то есть святым, и множеству всех прочих покойников. В высших слоях феодального общества «культ» предков оказывается главным социальным связующим фактором, который лежит в основе рода и способствует его укреплению. Например, в конце XI века граф Анжуйский Фульк ле Решен, перебирая череду своих предков, останавливается на самых древних, какие ему известны, и объявляет: «Что было раньше, я не знаю, ибо не ведаю, где были погребены мои предки».

Королевские династии поспешили создать королевские некрополи: в Германии это собор в Бамберге, в Англии — Вестминстерское аббатство, аббатство Фонтевро в Анжу — для первых Плантагенетов, базилика Сан-Исидро в Леоне — для королей Леона и Кастилии; собор Сен-Бавон в Генте для графов Фландрии, а для французских королей — базилика Сен-Дени.

Приходская церковь

Второй, кроме кладбища, центр деревни — церковь. Церковь, не только в деревне, но и в городе, как правило, была центром еще одной важной ячейки — прихода. Приходская структура установилась только в XIII веке, но все связанные с ее становлением проблемы, которые будут решаться между XI и XIII веками, чаще всего уже существовали и в деревнях XI века. Первая из них — это проблема территорий. Разграничение городских кварталов и сельской местности по приходам было весьма деликатным вопросом. В деревне церковь естественным образом брала на себя все функции прихода, то есть вокруг нее складывалась группа верующих под руководством священника, который становился священником приходским. С приходом были связаны некоторые права, например, право верующего исповедоваться и причащаться, право священника взимать церковные сборы. Исповедь и причащение — это право членов прихода, но одновременно они становятся монополией прихода; таким образом, жители деревни на протяжении всей жизни изо дня в день остаются в тесном контакте с приходской церковью, своим священником и другими прихожанами.

Высшие слои общества: дворянство

В группе сеньоров после тысячного года выделяется и утверждается высший слой — дворянство. Дворянство ассоциируется с властью, богатством, но в первую очередь определяется кровью, наследственностью. Это привилегированный класс, и он старается подчеркнуть свое положение, в том числе особым поведением в социальной и религиозной жизни — широкими жестами. Благодеяния, адресованные отдельным людям, а чаще религиозным общинам, монастырям, святым, — принципиальная черта поведения дворянства.

Откуда же взялось дворянство? По мнению одних, оно выросло из общественного уклада Древнего Рима, другие считают, что знать зародилась в Средневековье, выделившись из группы свободных людей, которая и сама по себе являлась элитой общества.

Во всяком случае, на всей территории Запада в Средние века формируется высший слой, который, по выражению Леопольда Женико (Génicot), «гордится своим древним происхождением и силен богатством, союзами и ролью в обществе, которую он играет — в ущерб суверену или с его помощью»; этот слой пользуется политическими и юридическими привилегиями и почтением со стороны всего общества. Престиж этого класса, повторяю, основывается в первую очередь на принципе наследственности; обычай раздачи королями и принцами дворянских титулов

людям неблагородного происхождения возникает позже, касается лишь ограниченного количества случаев, и, главное, к «облагородившимся» таким образом людям всё равно не относились с тем же почтением, которое давало благородство крови.

Хотя сегодня в Европе сохранилась лишь тень того дворянства, которое родилось в Средневековье, понятие благородства сохраняет заметное место среди европейских ценностей. Дело в том, что в Средневековье наряду с представлением о благородстве крови возникает понятие благородства характера, поведения, благородство как человеческая добродетель. Моралисты любят противопоставлять такое приобретенное благородство благородству крови, особенно в случае, если человек по рождению благородный не обладает этим свойством характера. Благородство — одно из слов, вокруг которых завязываются важные для Европы дебаты о добродетелях человека и его достоинствах.

Рыцарство и куртуазность

Также приблизительно к тысячному году, но в более распространенном и более определенном виде появляется и другой социальный тип — рыцарь. Он вырастает из *miles* (что означает «солдат»), функции которого были вполне определенными и в Римской империи, и у романизованных варваров: этот термин предполагал единственный контекст — военный, но к тысячному году понятие эволюционирует и означает уже (иногда связываясь с замком и сеньором) воинскую элиту, профессионалов конного боя, которые, помимо участия в реальных сражениях, состояли на службе у своего сеньора и проводили время в занятиях, которые можно считать и развлечениями, и тренировкой, а именно — в турнирах. Турниры вызывают недовольство Церкви, которая усматривает в них проявление агрессивного настроения (в том числе и по отношению к себе самой) со стороны людей, относящихся, по индоевропейской классификации, ко второй группе (*bellatores*, «воины»): они ведь, не дрогнув, берутся за оружие, а клирикам это запрещено. Похоже, что распушенность рыцарей и была одной из главных причин возникновения на рубеже веков мирного движения, о котором мы уже говорили. Постепенно рыцарство будет «цивилизовано» Церковью. Во многом для того, чтобы направить их жестокость в полезное русло, Церковь старается подобрать им всякие богоугодные занятия: охрана церквей, защита женщин и безоружного населения, а вскоре, как мы увидим в дальнейшем, Церковь предложит им бороться с неверными за пределами христианского мира. В конце концов, самое позднее к XII веку, Церковь одержит относительную победу над рыцарями.

Посвящение в рыцари было церемонией, которая проводилась в конце отрочества и представляла собой, с одной стороны, ритуал инициации, а с

другой — ритуал перехода в другой статус. Церемония заключалась в том, что молодому воину вручали оружие, как это делалось у германских народов. Церковь ничего не изменила во вручении шпор — чисто светском ритуале, но ввела благословение особых атрибутов рыцаря: копья со знаменем, щита, украшенного гербом, и меча. Омовению, которое производилось перед церемонией, Церковь приписала христианскую символику очищения. С конца XII века она добавила в конце церемонии посвящения ночь бдения над оружием, смысл которого состоял в религиозных размышлениях.

В плане будущего, для феномена европейского рыцарства самым важным было формирование — уже в Средние века — рыцарского мифа. Активной пропаганде этого мифа служил отдельный литературный жанр, а может, мы даже обязаны ему самим появлением рыцарского мифа; здесь как раз уместно обратить внимание на то, насколько значительное место занимает литература в наследии, которое оставило Европе Средневековье. Рыцарский миф начал разрабатываться в эпосе. Две характеристики рыцаря — воинская доблесть и верность — находят воплощение в конце XI века в двух героях «Песни о Роланде»: Роланде и Оливье. Рыцари восхваляются в ней как славные слуги королей, наделенные рыцарскими добродетелями: воинской храбростью, поставленной на службу вассальной верности. Рыцарей из эпических поэм сменяют новые герои, которые будут пользоваться по крайней мере не меньшим успехом. Это герои авантюрных романов, двумя великими источниками которых была переделанная древняя история (Эней, Гектор и Александр) и «бретонский материал», то есть рассказы о похождениях кельтских героев, личностей скорее вымышленных, чем исторических, в том числе знаменитого короля Артура. Из этого воображаемого мира, очень важного для будущей европейской культуры, сначала возникнет образ мифического героя — «странствующего рыцаря», а потом, в XIII веке, разовьется один сюжет, который прославит рыцарство, соединив в себе героев из всех перечисленных источников. Это сюжет о «Девяти бесстрашных» — священная история рыцарства, в которой появляются вместе древние воины — Гектор, Александр и Цезарь, библейские герои — Иисус Навин, царь Давид и Иуда Маккавей и персонажи христианского мира — Артур, Карл Великий и Готфрид Бульонский. Рыцарские истории о военных подвигах, о помощи слабым (женщинам, беднякам и т. д.) пользовались успехом на протяжении всего Средневековья ещё и потому, что понятие рыцарства, хоть его идеал и был в большой степени сформирован Церковью, все же опиралось на мирские ценности — в Европе, которая постепенно отдалялась от ценностей собственно христианских. Сама же Церковь в Средние века, наоборот, держала дистанцию по отношению к рыцарским ценностям, которые, с ее точки зрения, были слишком уж варварскими; как удачно выразился Жан Флори (Flori): «Щедрость — не то же самое, что милосердие, а дар — не то же, что подаяние».

С рыцарством непосредственно связана еще одна особенность поведения, характерная для феодальных времен, — куртуазность. Рыцарство и куртуазность вместе достались в наследство нынешней Европе. Куртуазность, как следует из самой этимологии этого слова, определяется хорошими манерами, которые считались необходимой чертой поведения при дворах (по-французски — *cour*) королей и правителей. Стоит заметить, что в качестве правителей могли выступать не только мужчины, но и женщины, и если мир рыцарства — мир исключительно мужской, то куртуазность представляет собой вселенную, где женщина присутствует повсюду. Иногда женщина задает тон, объединяет вокруг себя писателей и художников подобно Марии, графине Шампанской (1145—1198), или (если только это не дань легенде) Элеоноре Аквитанской, правившей Англией в конце XII века; иногда женщина — предмет восхищения, и мужчинам вокруг нее полагается ее защищать. Нужно понимать связь этих ценностей и тех самых хороших манер, на важное значение которых обратил внимание социолог Норберт Элиас (Elias), датирующий их возникновение XII—XIII веками. Список хороших манер, который он сформулировал и прокомментировал в книге «О процессе цивилизации», по большей части относится к поведению за столом: речь идет о внедрении правил гигиены и вежливости в обществе, которое, к примеру, стало пользоваться за столом вилкой только в самом конце Средневековья. Вот некоторые из этих правил: не есть из одной тарелки, не плевать, мыть руки перед едой и после нее — и еще целый ряд правил, родившихся в Средневековье и сохранившихся по сей день.

Другим местом для обучения хорошим манерам, кроме королевского двора, был монастырь. Так, Гуго, известный педагог, каноник знаменитого монастыря Сен-Виктор в предместье Парижа (ок. 1090—1141), составил свод правил «*De instructione novitiorum*», в котором юным послушникам объясняется, как им надлежит двигаться, говорить и вести себя за столом; все это исчерпывающе раскрыто в работе Жан-Клода Шмитта (Schmitt). Итак, королевский двор был местом формирования хороших манер; к этому необходимо добавить, что Средневековье, продолжая линию античности, противопоставляло хорошие манеры горожан грубости крестьянских нравов. Два французских слова, означающих вежливость, учтивость — *urbanité*, *politesse*, — происходят от *urbs* («город» на латыни) и *polis* («город» по-гречески), а их противоположность — *rusticité* (грубость, неотесанность) восходит к слову *rus*, то есть «сельская местность». Не будем забывать и о том, что римляне ели, вытянувшись на своем ложе, а европейцы в Средние века стали использовать для еды стол, что отличает их от большинства азиатов и африканцев. <...>

Воинствующие ордена и милитантизм

Феодалную Европу XI—XII веков характеризует еще и то, что в ней, в связи с крестовыми походами, появляются новые монашеские ордена. Я имею в виду воинствующие ордена, главными из которых были тамплиеры, госпитальеры Святого Иоанна Иерусалимского, немецкий орден Святой Марии Тевтонской, английский орден Святого Фомы из Акры и еще некоторые, созданные на Пиренейском полуострове испанцами и португальцами. Эти ордена были учреждены главным образом для того, чтобы огнем и мечом, а также при помощи молитв и насаждения христианства сражаться с неверными и язычниками. Для монахов этих орденов было сделано важное исключение из правила, по которому клирикам не полагалось брать в руки оружие. Цистерцианец святой Бернارد, не склонный одобрять эти новшества, тем не менее восхваляет участвовавших в крестовых походах рыцарей из сообщества, которое он называет «*nova militia*». Эти особые воинствующие ордена способствуют тому, что в атмосфере христианизации меняется отношение к воинственному образу жизни. Сама религия и ее служители если и не военизируются, то становятся, в широком смысле слова, воинствующими. Так возникает явление, которому тоже суждено большое будущее, — милитантизм (то есть движение рьяно ратующих за что-либо активистов). <...>

Феодалная раздробленность и централизованные монархии

На первый взгляд христианский мир XI и XII веков представлял собою в политическом плане зрелище весьма противоречивое — такое положение дел в Европе сохранялось чуть ли не до сегодняшнего дня и в некотором смысле сейчас восстанавливается заново в связи с нынешней политикой децентрализации. С одной стороны, происходило установление феодального строя, который характеризуется ослаблением центральной власти (при Каролингах ей еще удавалось создавать иллюзию силы). Полномочия центральной власти дробятся и переходят к сеньорам, которые присваивают права, до того считавшиеся привилегией короля: право на чеканку монеты (но это право в те времена еще представляется не столь важным) и прежде всего — право вершить правосудие и устанавливать налоги. С другой стороны, после того как недолговечная Каролингская империя пришла в упадок, народы Европы группируются вокруг своих верховных правителей, которые находят способ сохранить в условиях феодальной раздробленности государств те остатки власти, что еще оставались у них в руках.

У историков вошло в традицию говорить о пресловутой несовместимости централизованного государства и феодальной системы. На

деле все выглядело не так однозначно: выработался некий политический компромисс, который можно назвать феодальной монархией. Существование таких монархий — они оставили будущей Европе немалое политическое наследие — было обусловлено несколькими основополагающими факторами.

В христианском мире феодальной эпохи существовало два института власти, стоявших выше, чем власть королей, возглавлявших свои монархические государства: это была власть Папы и императора. Здесь на первый взгляд имеется противоречие, и оно относится к папской власти. В описываемый период (XI—XII вв.) власть понтифика неуклонно возрастает. Можно даже сказать, что в конце этого периода, при Папе Иннокентии III (1198—1216), папство являлось самой могущественной из христианских монархий. Оно осуществляло свою власть при помощи организованной структуры, охватывавшей весь христианский мир, сила центральных органов, представлявших Святой престол, росла, но самым главным фактором, вероятно, было то, что Святой престол собирал со всего христианского мира мзду, размер которой увеличивался: это предоставляло в распоряжение папства весьма серьезные финансовые средства, большие, чем у любой тогдашней монархии. Впрочем, Святой престол и Церковь соблюдали те нормы, которые явились прямым следствием григорианской реформы, несмотря на попытки Григория VII установить главенствующую роль Церкви над светским государством. И действительно, происходит разделение духовной и светской власти, хотя в некоторых случаях, в частности, когда встает вопрос о кровосмесительных браках, Церковь по большей части навязывает государству свою волю. Больше того, Святой престол быстро вырабатывает политику сотрудничества с монархиями и даже оказывает государственной власти серьезную поддержку.

Престиж и слабость императорской власти

Другой фактор, который мог бы ограничить подъем и влияние феодальных монархий, — это существование еще одной высокопоставленной особы, на этот раз светской, а именно императора. Однако император Священной Римской империи германской нации был недостаточно влиятелен, чтобы подчинить себе молодые и полные сил монархии. Определенные формальные выражения почтения к императорам со стороны новых королей имели место. Но их фактическая независимость от империи и императора являлась одной из главных политических особенностей данного периода. В конце этого периода станут возможными заявления вроде того, что сделал в начале XIII века во Франции Филипп Август: «Король Франции в своем королевстве не признает над собой никакой высшей власти», — а потом, веком позже, Филипп Красивый уточнит формулировку и утвердит это положение дел так: «Король — это император в собственном

королевстве». Король Франции наиболее четко сформулировал тезис о независимости монархий по отношению к империи, но подобное положение дел стало после XII века нормой для всего христианского мира.

Средневековый король

Черты, свойственные средневековому королю, важны не только для понимания той эпохи, но и потому, что правители государств с республиканским устройством или демократической формой правления зачастую будут выполнять те же функции или воплощать тот же образ. Король при феодальном строе — это образ Божий, *Rex imago Dei*. Этот аспект, естественно, притупляется начиная с XIX века, но и современные европейские лидеры часто сохраняют за собой такие привилегии, как право помилования или персональную юридическую неприкосновенность, которые суть следствия данного представления о правителе как о священной особе. Заметим, что средневековые короли отправляли три функции власти, то есть в них соединялись все три функции индоевропейской идеологии, которая определяет функционирование общества через разделение его членов на три категории. Король воплощает в себе первую функцию, религиозную, потому что хоть сам он и не священник, но имеет дело с самой сутью этой функции — вершит правосудие. Он также является верховным правителем и в смысле второй функции — военной, поскольку он благородного происхождения и сам воин (президент Французской республики по сей день является верховным главнокомандующим, хотя это скорее политическая функция, чем военная). Наконец, король воплощает в себе и третью функцию, определить которую несколько труднее. Эта функция, которую средневековая формулировка связывает с трудом, по сути дела, подразумевает заботу о преуспевании и украшении государства. То есть король отвечает за экономику и процветание своего королевства, и для него персонально эта функция означает обязательное проявление милосердия, в частности щедрую раздачу милостыни. Можно предположить (хотя эта сторона дела и не так очевидна), что третья функция обязывала короля также быть в определенном смысле меценатом: например, из нее вытекала задача строительства новых церквей.

Кроме того, средневековый король должен был обладать авторитетом в области знания и культуры. Иоанн Солсберийский, епископ Шартрский, давая определение монархии в своем известном трактате 1159 года «Поликратикус», подхватывает мысль, высказанную в 1125 году Вильгельмом Малмсберийским: «*Rex illiteratus quasi asinus coronatus*» («Неграмотный король — не что иное, как коронованный осел»).

В феодальную эпоху роль короля подвергалась и другим важным изменениям. От римского права и римской истории ему досталось в наследство разделение власти на две категории: *auctoritas* (авторитет) и

potestas (власть), определяющие, соответственно, природу королевской власти и средства, позволяющие королю выполнять свою роль. Христианство добавило еще одну составляющую, а именно dignitas, характеризующую определенные права в церковной сфере и королевское достоинство. В феодальный период, возможно, как реакция, происходит возрождение римского права и обновление применительно к новым королям римского понятия majestas. Оно позволяет определить два королевских права того времени: о первом из них, праве помилования, мы уже упоминали, а второе, еще более важное, — право на защиту от crimen majestatis, от оскорбления величества. Тем не менее средневековый король не являлся абсолютным монархом. Историки задаются вопросом, был ли он монархом конституционным. Этого тоже нельзя утверждать, поскольку не существовало никакого текста, который можно было бы рассматривать в качестве конституции; ближе всего к ней — при этом будучи весьма своеобразным документом — стояла, вероятно, Великая хартия вольностей (Magna Carta), документ, который дворянство и церковная верхушка навязали английскому королю Иоанну Безземельному (1215). Этот текст остается важной вехой на пути к установлению в Европе конституционных режимов. Точнее всего сформулировать важнейшую черту средневековой королевской власти можно таким образом: быть королем означало принять на себя некие договорные обязательства. Во время ритуала помазания и коронации король приносил клятвы Богу, Церкви и народу. Два первых «договора» по ходу исторического процесса утратили свое значение, а вот третья, новаторская формулировка тоже станет своего рода этапом на пути к подотчетности власти народу или институту, который его представляет. И наконец, в феодальную эпоху на короля и в теории, и на практике возлагалась двойная миссия, связанная с понятиями правосудия и мира. «Мир» в этом смысле можно перевести как «порядок», понимаемый, однако, не только как спокойная земная жизнь, но одновременно как движение по пути спасения. Так или иначе, с феодальными монархиями христианский мир встает на путь к тому, что мы сегодня называем правовым государством. Еще один факт, менее значительный в смысле долговременного развития Европы: феодальная монархия являлась монархией аристократической, и, поскольку король был первым по благородству происхождения, происходило узаконивание благородства крови. Сегодня к происхождению не относятся с такой серьезностью, но в Средневековье этот фактор гарантировал стабильность и непрерывность королевской власти, подкрепляя законной основой существование королевских династий. Кроме того, во Французском королевстве с конца X и до начала XIV века у французских королей рождались сыновья. Лишь в 1316 году, когда возникнет проблема престолонаследия, недопущение женщин на престол сделают формальным правилом и назовут его, вспомнив о старинном обычае салических франков, «салическим законом».

Итак, именно тот факт, что королевская власть связывалась с некоторыми обязательствами, определил дальнейший путь развития феодальных монархий в долговременной европейской перспективе. XII век был великим веком правосудия. В первую очередь, и об этом уже много говорилось, идет процесс возрождения римского права, но кроме того, происходит активная выработка канонического права, которая начинается с «Декрета» (ок. 1130—1140), составленного монахом Грацианом из Болоньи. Каноническое право зафиксировало не только влияние христианства на дух и аппарат юриспруденции, но и роль Церкви в обществе, а кроме того, новшества, возникавшие в правосудии по ходу развития общества и появления новых проблем, — например, изменения в экономике и новые формы брака.

Феодальные монархии

Феодальные монархии находились на разных уровнях развития и стабильности, поэтому основы будущих европейских государств не были в то время заложены одинаково прочно на всем христианском пространстве. В северном, скандинавском мире, в областях Центральной и Восточной Европы, населенных славянами и венграми, монархии были еще не слишком устойчивы территориально. В Германии и Италии давала о себе знать раздробленность, причиной которой было многовластие, причем самыми влиятельными были городские власти, и мы еще поговорим о них. Таким образом, остаются Англия, Франция и часть Пиренейского полуострова — Кастилия. К ним нужно добавить еще одну необычную монархию, которая просуществует только до XIX века, но внесет свою лепту в образ будущей Европы, — это королевство Южной Италии и Сицилии, которое возникло как раз в рассматриваемый период времени.

АНГЛИЯ

Английское королевство в XI—XII веках пережило события, которые не только не ослабили его, а, наоборот, способствовали укреплению институтов власти. В англосаксонский период сформировались некоторые его основные черты; важную роль здесь сыграла в первую очередь активная политика, которую проводил в интеллектуальной и литературной сферах король Альфред (IX век), а также авторитет короля Эдуарда Исповедника (1042—1066). Завоевание Англии норманнским герцогом Вильгельмом в 1066 году положило начало существенному усилению английской монархии. Правившие Англией норманнские короли опирались на крайне необычный текст — так называемую «Книгу Страшного Суда» («Domesday Book», или, что точнее, «Domesday Survey»), которая представляла собой подробный и

точный перечень всех богатств, принадлежащих английской короне. Само название «Книга Страшного Суда», подчеркивающее ее особую роль, свидетельствует о том, что Англия конца XI века подводит итоги деятельности монархии и проникается идеей о том, что наступают Последние Времена: пора встать на путь к Спасению. Этот список позволил рационально поделить между норманнскими дворянами-завоевателями земли и доходы, дав базу для начинавшегося экономического подъема, — а этот последний стал одним из факторов, благодаря которым Англия превратилась в первую крупную европейскую монархию. Кстати, норманнские короли, которым принадлежало герцогство Нормандия, где в X—XI веках сформировалась выдающаяся для того времени административная база, перенесли в Англию установку на централизацию и сильную королевскую власть. В графствах появляются королевские управляющие — шерифы, а вокруг короля формируется бюрократический аппарат, и в нем выделяются чиновники, которые занимаются сбором различных платежей в пользу государства и направляют их в казначейство.

Еще один всплеск активности привел к новому усилению английской монархии в середине XII века. В конце смутного периода, обусловленного смертью Генриха I в 1135 году, его дочь Матильда вышла замуж за графа Анжуйского Джозфруа Плантагенета, и их сын Генрих II (1154—1189) стал королем Англии, при этом располагая большими владениями и во Франции: в них входили Анжу, Пуату, Нормандия и Гиень. При Генрихе II Англия стала первым «современным» королевством христианского мира. Хоть его иногда и называют «анжуйской империей» или «империей Плантагенетов», но империя — нечто совсем иное. Характер правления Генриха II был таков, что этот знаменитый король, против которого выступили его супруга Элеонора Аквитанская и сыновья Ричард Львиное Сердце и Иоанн Безземельный,[20] оставил о себе воспоминание как о монархе, чей двор был прекрасно устроен и привлекал покорное королю дворянство, но при этом являлся сущим адом.[21] Так начала вырисовываться монархическая Европа с ее королевскими дворами, их блеском, интригами и раздорами. На много веков Англия останется образцом для остальных европейских монархий.

ФРАНЦИЯ

Другой монархией, которая укрепилась лучше и раньше других — одновременно с английской, — стала монархия французская. Одна из причин ее стабильности — это непрерывность французской королевской династии: Капетинги правили во Франции начиная с 987 года. Укрепляющими факторами стали отстранение от трона женщин и воля биологического случая, который бесперебойно предоставлял королям наследников мужского пола вплоть до 1328 года. То была Европа, где господствовало право первородства. Королей Франции тогда в первую очередь заботил вопрос о

том, как добиться от мелких сеньоров повиновения королевской власти. Позднее они нашли опору в священнослужителях и мелком дворянстве, удерживая таким образом высшую аристократию на некотором расстоянии от властных функций. Кроме того, Капетинги укрепляют свою власть еще одним способом: возводят королевский дворец в Париже и делают этот город столицей. Так зарождается Европа столиц. Прочности капетингской монархии способствовало и то, что поблизости от их резиденции располагалось известное бенедиктинское аббатство Сен-Дени, которое поддерживало королевскую власть и к тому же являлось одним из главных центров, где создавалась почтительно относящаяся к ней историография. В XIII и XIV веках там будут созданы большие национальные хроники. Так возникает Европа истории и историографии.

Монархия Капетингов умело использовала важные преимущества, которые ей достались. Первым из них было помазание в Реймсе каждого короля в начале его правления, что напоминало об особом статусе монархии франков, глава которой — король Хлодвиг — принял в Реймсе помазание «ангельским» маслом: по легенде, оно было доставлено с небес Святым Духом и превратилось в елей. Кроме того, Капетинги сумели отчасти воспользоваться растущей популярностью культа Святой Девы. Символический цветок лилии и голубой цвет мантии, заимствованные французскими королями, — не что иное, как элементы культа Девы Марии, который достиг невиданных масштабов между XI и XIII веками. Со времени правления Роберта Благочестивого (996-1031) цветок лилии появляется на королевской печати. И если английские короли оттолкнули от себя Церковь убийством архиепископа Кентерберийского Томаса Бекета (1170), то во Франции союз Церкви и королевской власти, алтаря и трона, служил прочной основой политической стабильности.

КАСТИЛИЯ

Третья монархия возникла на Пиренейском полуострове в результате взаимодействия различных сил внутри христианского мира. В период Реконквисты, по мере того как христиане все больше теснили мусульман к югу, мозаика возникавших в ходе этого процесса королевств постепенно упрощалась, из чего извлекала пользу, в числе прочих, Кастилия, которая сначала слилась с Наваррой, потом присоединила к себе Леон — после того, как граф Кастильский Фердинанд одержал в 1017 году победу над королем Леона, принял помазание в Леоне в 1037 году и стал называться королем Кастилии и Леона. Но это объединение приняло окончательный характер лишь в 1230 году. Королям Кастилии приходилось считаться с воинственными дворянами, среди которых был один, чья судьба стала весьма характерной для двусмысленной ситуации, сложившейся на полуострове, где дворяне то поступали на службу к христианским королям, то сражались на

стороне мусульман. Этот человек — Родриго Диас де Вивар, который воспитывался вместе с Санчо II, будущим королем Кастилии, — становится героем рыцарского эпоса, легендарным Сидом (1043—1099), и я еще вернусь к нему.[22]

Кастильские короли, тем не менее, понемногу устанавливают свою власть, опираясь не только на аристократию, но и на городские олигархии, на города Кастилии, собирая ассамблеи, кортесы и даруя привилегии (фуэрос) сообществам горожан и людей незнатного происхождения. Вместо Толедо, отвоеванного у мусульман Альфонсом VI Кастильским в 1085 году, короли Кастилии учредили другую столицу, Бургос, епископство которого с 1104 года подчиняется непосредственно Святому престолу, и в XIII веке этот город получает официальный титул «главного города Кастилии и резиденции королей» (*cabeza de Castilla y cámara de los reyes*).

НОРМАННЫ

К трем уже перечисленным крупнейшим монархиям, явившимся прообразом монархической Европы, нужно добавить одно особенное королевство, созданное диаспорой норманнов, — такое название в Средние века дали скандинавам; эта монархия стала важной составной частью всего описанного ансамбля. Норманны создали монархии в самой Скандинавии (в Норвегии «Княжье зеркало» появилось в XIII веке), хотя и достаточно непрочные; часть викингов высадилась во Франции, образовав Нормандию, а потом — в первой половине XI века при Кнуде Великом (ум. в 1035) — скандинавы, не полностью и ненадолго, завоевали Англию. Кроме того, эта удивительная диаспора в конце XI века создала королевство в Южной Италии: сначала, в период с 1041 по 1071 год, они отвоевали у византийцев Калабрию и Апулию (Робер де Гвискар захватил город Бари в 1071 году, а в 1087 году моряки доставили туда останки святого Николая и поместили их в великолепную базилику — отсюда идет поклонение святому Николаю, покровителю детей и школьников, которое распространится по всей Европе), потом королевство расширилось и в 1137 году включило в свой состав Неаполь, а перед этим — Сицилию (в 1072 году был захвачен Палермо, а в 1086-м — Сиракузы).

Все началось с периода острых конфликтов с папским престолом — из-за них Рожер I (1031—1101) получил прозвище «тирана», которым награждали скверного короля в память об античных тиранах, — но потом норманнские правители Сицилии помирились с Папами, и королевство, вырванное из рук и византийцев, и мусульман, становится одним из прекраснейших христианских королевств, вернув таким образом Южную Италию и Сицилию западному христианскому миру. Рожер II (ок. 1095—1154) был коронован в ИЗО году после переноса королевского престола в Палермо.

Последний норманнский король Сицилии Вильгельм II (1154—1189) умер бездетным; корона досталась его тетке Констанции и ее мужу, сыну Фридриха Барбароссы, который в 1191 году стал императором Генрихом VI. Он скоропостижно скончался в 1197 году и оставил королевство Неаполя и Сицилии своему сыну, будущему Фридриху II. Тот, развивая и укрепляя дело рук своих норманнских предков, сделает королевство одной из наилучшим образом организованных феодальных монархий. Палермо станет единственным городом христианской Европы, достойным соперничать с крупными византийскими и мусульманскими городами. Что касается культуры и искусства, активная переводческая деятельность и непрерывное сотрудничество христиан, иудеев и мусульман сделают Палермо одновременно образцом для столиц христианской Европы и исключением из правил. Если бы королевство Южной Италии и Сицилии не было в конце XIII века ненадолго завоевано французами — брат Людовика Святого, Карл Анжуйский (1227—1285), правил там с 1268 года, — а потом, на более продолжительный срок, арагонцами, в 1282 году, после расправы над французами, получившей название «Сицилийская вечерня», — если бы не эти последовательные завоевания, можно себе представить, что этот кусочек средиземноморского христианского мира мог бы остаться независимым либо присоединиться к византийским или мусульманским территориям. На этом примере становится ясно, что географические и исторические данности, характерные для Европы, существуют вовсе не испокон веков. <...>

Возникновение Европы гонений

Теперь, по-моему, будет уместно продемонстрировать и первые пагубные последствия этого подъема и бурления. Тот же Роберт И. Мур очень внятно обозначил признаки того, что он называет «зарождением общества гонений». Что же произошло? Долгое время христиане, жившие на Западе, ощущали себя уязвимыми и незащищенными, а теперь они чувствовали себя куда надежней как в материальном плане, так и в сфере интеллектуальной и религиозной жизни. Может, и не все люди Средневековья, подобно Оттону Фрейзингенскому, считали, что христианский мир почти достиг совершенства, но они стали куда более уверенными в себе, а следовательно, экспансивными и даже агрессивными. Прежде всего, им понадобилось истребить любые зерна скверны в устойчивом и успешном христианском универсуме. Так начинается ряд мероприятий, инспирированных Церковью и светскими властями и направленных на то, чтобы вытеснить на окраины христианского пространства, а потом и вовсе изгнать из него всех, кто мог представлять собой вместилище пороков и источник беспорядков. Главными жертвами этих гонений стали прежде всего еретики, но кроме них еще и евреи,

гомосексуалисты и прокаженные.

Еретики

Ереси сопровождали христианство почти с самого начала его истории; в то же время с развитием этой новой религии постепенно, в основном — посредством церковных соборов, определялась официальная доктрина новой Церкви. Параллельно ортодоксальной линии развиваются линии «особые» — именно от греческого слова с этим значением происходит «ересь»: они отличаются от основной линии, и Церковь достаточно рано начинает их осуждать. Различия ересей — в отношении к некоторым догматам; например, были среди них такие, что не считали равновеликими три персоны, составляющие Троицу, кто-то не признавал в Иисусе божественной природы, а кто-то — человеческой. Другие еретические воззрения бросали вызов церковным устоям и носили ярко выраженный социальный характер, как, например, донатизм, развившийся в Северной Африке и резко осужденный святым Августином. В эпоху Каролингов еще существовали еретические взгляды, касавшиеся Троицы, но вскоре после тысячного года появляется целая волна ересей, среди которых принято выделять ереси «ученые» и народные. Эту еретическую волну обычно объясняют либо стремлением верующих к большей чистоте нравов, либо всеобщей потребностью в переменах, которая будет удовлетворена григорианской реформой XI—XII веков. После длительного периода политической и социальной стабильности эпохи Каролингов, наступает период смуты и нестабильности, вызванных двумя факторами: во-первых, Церковь стремится избежать господства над собой светских властей, а во-вторых, светские власти жаждут стать менее зависимыми от Церкви. Средневековое общество и культура основывались на влиянии Церкви, на ее господстве сразу и в сфере духовного, и в сфере земного. И ереси, которые посягают на это господство, становятся неприемлемыми для Церкви, а именно такие посягательства и происходят в Орлеане, в Аррасе, в Милане и в остальной Ломбардии в начале XI века. Движения протеста, остававшиеся в рамках реформаторства или перешедшие в еретические формы, были особенно сильны на юго-западе и юго-востоке нынешней Франции, а также в таких областях, как Лотарингия, Северная Италия и Тоскана. Рождался протестующая Европа. Церковь с трудом выбирает себе путь, который сочетает необходимое реформирование правил для священнослужителей и подавление ересей. Реформа жизни клириков включала в себя осуждение продажи должностей и церковного сана — симонии, а также требование соблюдать целибат: тогда большинство священников жили в браке или имели сожительниц. Одновременно все большее число мирян отказывается от участия в таинствах, совершаемых священниками сомнительной нравственности, или вообще не обращается к

священнослужителям. Некоторые еретики отказывались также поклоняться Распятию, а некоторые не принимали даже символ Креста. Под влиянием монахов клюнийского ордена Церковь придавала все большее значение молитвам, заупокойным службам и вознаграждению, которое получали клирики, совершавшие эти ритуалы. Это тоже вызывало протест большого числа мирян, которые отказывались соблюдать эти новые правила. Кроме того, протесты были связаны с кладбищами, которые миряне отказывались считать святыми местами на том основании, что они были освящены Церковью. Еще миряне оспаривали монопольное право Церкви использовать Евангелие для служб и проповедей. Наконец, потоки резкой критики вызывало личное и коллективное обогащение священнослужителей. Вскоре Церковь оказалась в положении осажденной крепости. Сначала она стремилась классифицировать ереси и дать им названия, чтобы проще было с ними бороться, однако зачастую Церковь называла ереси именами старых еретических течений времен поздней античности, о которых говорилось в древних текстах и которые сильно отличались от ересей, угрожавших Церкви в XI—XII веках. В основном все ереси определяли тогда как манихейство, то есть радикальное разделение мира на Добро и Зло — иными словами, религиозный интегрзм.

Атака на ереси готовилась известным институтом, имевшим огромное влияние в христианском мире, — клюнийским орденом, который, кстати, явился также организатором крестовых походов. Преподобный Петр, знаменитый настоятель монастыря Клюни в период с 1122 по 1156 год, написал три трактата, обращенные против явлений, которые он называет великой угрозой, нависшей над христианским миром; эти тексты стали своего рода руководством по ортодоксальному христианству. Один из них написан в осуждение Пьера де Брюи, священника небольшой альпийской деревни, который отказался от причащения и заупокойных месс и проповедовал неприятие Креста; другой трактат — первое в христианском мире выступление против Мухаммеда, названного в нем колдуном, и его последователей; и, наконец, последнее сочинение направлено против евреев, которых автор клеймит как богоубийц. После 1140 года Церковь предпринимает массивное наступление, и, в соответствии с новыми концепциями природы, ересь объявляется болезнью вроде проказы или чумы. Церковь распространяет идею заражения ересью, которая превращает ересь в глазах людей в чудовищную угрозу.

На юге Франции особый смысл приобретает понятие «катар», что на греческом значит «чистый», — отсюда происходит немецкое Ketzerei (ересь). В 1163 году это движение обнаруживается в Кёльне и во Фландрии. Еретическое собрание, по образцу церковного собора, произошло в 1167 году на землях графа Тулузского, в Сен-Феликс-де-Караман. К катарской ереси примкнула определенная часть дворянства и даже высшей знати Лангедока и Окситании, в особенности из-за противодействия церковному запрету на так

называемые кровосмесительные браки, который повлек за собой дробление наследственных владений. Взгляды катаров, собственно говоря, были настоящим манихейством, поскольку они проповедовали отказ от материального, подавление плоти и предлагали ритуалы и нормы поведения, весьма отличавшиеся от тех, что были приняты в христианской Церкви. Выделялась своеобразная высшая группа наиболее чистых — Совершенных — людей, которые к концу жизни удостоивались своего рода крещения (*consolamentum*). Я думаю, что учение катаров было не ересью внутри христианства, а просто другой религией. И значение его мне представляется сильно преувеличенным — сначала Церковью, которая стремилась от него избавиться, а потом, в XX веке, некоторыми активными регионалистами, которые видели в нем особое историческое наследие. Ничто не извиняет жестокости, с которой Церковь подавила это течение, но, если бы оно победило, что, как я уже сказал, кажется маловероятным, в Европе установился бы религиозный интегрзм. Среди великого еретического брожения, происходившего во второй половине XII века, в Лионе появился торговец Пьер Вальдес, который, хоть и не был священнослужителем, стал проповедовать бедность, смирение и жизнь по евангельским заповедям. Учение Вальдеса в своих истоках выглядит не ересью, а реформистским движением, в котором хотели более активно участвовать и миряне, отнюдь не покушаясь на авторитет Церкви. В 1184 году Папа Луций III при поддержке императора издал в Вероне буллу «Об искоренении» («*Ad abolendam*»), после чего началось суровейшее преследование всех еретиков без разбора («катаров, патаренов, тех, кто присвоил себе имя смиренных, или лионских, бедняков, пассажистов, иозефитов и арнольдистов»). Такое смешение всего в одну кучу выдавало, по сути, смятение Церкви в ситуации, которую Моника Цернер (*Zerner*) назвала неясностью ереси.

Великим дирижером антиеретических репрессий стал Папа Иннокентий III (1198—1216). С 1199 года Иннокентий III приравнивал ересь к оскорблению королевского величия, и теперь у еретиков конфисковывалось имущество, им запрещалось заниматься государственной деятельностью, кроме того, их лишали наследства. Папа применил идеи и методы крестовых походов к еретикам и начал против них в 1208 году настоящую войну, призвав к светскому крестовому походу. Эта война началась с разграбления города Безье и массового убийства его жителей в городской церкви. Уничтожение еретиков привлекло многочисленных небогатых и безземельных сеньоров Северной Франции. Крестовый поход против «альбигойской ереси» окончился только в 1229 году, после того как был вынужден покориться граф Тулузский, а также сеньоры и города Южной Франции.

Тем временем IV Латеранский собор (1215) повелел христианским правителям давать клятву бороться с ересью. Кроме того, он предписал евреям носить на одежде специальный знак — пришитый кружок. Как

правило, он делался из красной материи. Так зарождалась будущая эпоха желтых звезд. Большинство светских правительств пренебрегло соблюдением этих предписаний. Однако Людовик Святой в 1269 году, в конце своего правления, был вынужден им подчиниться, возможно, против своей воли. В 1232 году Папа Григорий IX учредил наряду с епископальной инквизицией папскую, которая могла судить еретиков на всем христианском пространстве во имя Церкви и Папы римского.

Инквизиция руководствуется теперь не старой «обвинительной» процедурой, а новым юридическим методом — «инквизиционным», по которому обвиняемого допрашивают, чтобы получить признание его вины. Так начинается в Европе эпоха признаний, и очень скоро их станут добывать под пытками. В раннем Средневековье к пыткам прибегали весьма редко, ведь в древности их, как правило, применяли только к рабам. Инквизиция возродила пытки, и теперь им подвергали мирян, причем и мужчин и женщин. Это одна из самых чудовищных страниц наступившей в Европе эры гонений.

Инквизиция отправила на костер многих еретиков, но определить их число сегодня невозможно. Казни еретиков, осужденных трибуналами инквизиции, исполнялись земными властями, действующими как светское крыло Церкви. Относительно социального состава катаров можно сказать, что это учение распространилось прежде всего среди дворянства, горожан и среди некоторых ремесленников, в частности ткачей. Это движение было жестоко подавлено, и ко второй половине XIII века катары сохранились только в виде нескольких общин в высокогорных районах — примером могут служить жители деревни Монтаю в Арьеже, о которых Эммануэль Ле Руа Ладюри (Le Roy Ladurie) написал интереснейшую книгу.[23]

Преследование евреев

Второй группой, преследуемой Церковью и христианскими правителями, были евреи. Долгое время христиане не видели в евреях серьезной проблемы. До X века еврейские общины на Западе были немногочисленны и в основном состояли из купцов, которые в числе других пришельцев с Востока (ливанцев, сирийцев и т. д.) осуществляли большую часть той не слишком активной торговли, которая велась между христианским миром и странами Востока. Церковь разрабатывает теоретические и практические принципы взаимодействия христиан и евреев. Исключение составляет вестготская Европа, где королевская власть и епископат создают законодательство с ярко выраженным антииудейским характером, которое Леон Поляков считал первоисточником антисемитизма. Но захват большей части Пиренейского полуострова мусульманами привел к возникновению новой ситуации: теперь и евреи и христиане стали объектами

более-менее терпимого отношения со стороны мусульман.

Карл Великий и его преемники не преследовали евреев, несмотря на то что те подвергались жестоким нападкам со стороны Агобара, архиепископа Лионского. Христиане, вслед за святым Августином, относились к евреям, как предписано в LVIII псалме: «Не умерщвляй их, чтобы не забыл народ мой; расточи их силою Твоею, и низложи их...». В таком отношении сочетались, не без лицемерия, определенная терпимость и даже покровительство (которые, впрочем, объяснялись тем, что евреи превращались в живую память о дохристианском прошлом) и склонность гнать евреев и относиться к ним свысока. Когда в христианском мире устанавливается феодальный строй, евреи по статусу приравниваются к сервам. Это ограничение в правах и привело к тому, что евреи попали под власть сеньоров, и в частности христианских правителей, и стали нуждаться в их покровительстве. Правители же в основном колебались между терпимостью и покровительством, с одной стороны, и преследованием евреев — с другой. В частности, это относится к Папам, императорам и королям; например, Людовик IX (Святой) испытывал к евреям отвращение и тем не менее считал себя их «епископом вне Церкви».

Еврейская литература Средних веков, как и христианские тексты того периода, уделяла особое внимание легендарной фигуре Карла Великого. К тысячному году в германских странах насчитывалось приблизительно 4 000 евреев, а веком позже, накануне первого крестового похода, их количество подошло к 20 000. Евреев иногда приглашали ко дворам христианских правителей, чтобы справиться с некоторыми экономическими проблемами, если этого не могли сделать христиане, и даже наделяли их некоторыми привилегиями. Так экономический подъем, наблюдавшийся в христианском мире после тысячного года, оказался одной из причин притока евреев в христианские страны, но вскоре последовали и первые гонения. Однако в XI веке наблюдалось по преимуществу мирное сосуществование христиан и евреев. Евреи были единственным народом, чью религию христиане признавали легитимной, хотя этого слова тогда не существовало; в отличие от них, мусульман, например, причисляли к язычникам. В среде ученых клириков поддерживались отношения с раввинами для обмена взглядами по вопросам толкования Библии. Евреям разрешалось строить не только синагоги, но и школы. Ситуация резко изменилась во время Первого крестового похода.

На протяжении всего XI века мысль о Иерусалиме все сильнее овладевала христианами. Это было одной из причин крестового похода, который в 1095 году провозгласил в Клермоне клянуец Папа Урбан II; поход завершился взятием Иерусалима в 1099 году, за которым последовало масштабное избиение мусульман христианами. Энтузиазм по поводу Иерусалима и связанный с этим городом образ распятого Христа — жертвы евреев — породили по отношению к ним волну враждебности и ненависти.

Тут сыграло свою роль одно важное обстоятельство: уже доказано, что христиане, жившие в конце XI века, не вполне представляли себе протяженность исторического времени и считали, что Христа распяли в современную им эпоху. А значит, те, кого они собирались наказать, и были его непосредственными палачами. Самые могущественные и богатые крестоносцы отправились в путь морем на кораблях, нанятых в Марселе или Генуе, но основная масса неимущих участников похода, которых в основном вели за собой фанатически настроенные главари вроде проповедника Петра Отшельника, отправились на Ближний Восток через Центральную Европу, по дороге встречая многочисленные еврейские общины. Произошло множество жестоких расправ. Это была первая большая волна погромов в Европе.

В XII и XIII веках преследование евреев объяснялось другими причинами. Возникли два мифа. Первый из них — слухи о ритуальных убийствах, возведенные в ранг истины: якобы евреи убивают христианского младенца, чтобы использовать его кровь для своих обрядов. Почти после каждого такого слуха случался погром. По всей видимости, первое подобное обвинение было высказано в 1144 году в Норидже. Несколько похожих историй с последующими расправами произошло в Англии во второй половине XII и в первой половине XIII веков. В Линкольне произошел такой случай (1255): после смерти маленького мальчика прошел слух, что он был замучен насмерть евреями. Обвиняемых доставили в Лондон, где девятнадцать человек повесили, и только вмешательство брата короля, Ричарда Корнуэльского, спасло остальных девятносто обвиняемых от этой участи.

Такие же обвинения, казни и расправы происходили на континенте. Однако не известно ни об одном случае погрома на территории Франции в годы правления Людовика Святого (1226—1270). В этот период возникает еще один слух, из-за которого христиане начинают преследовать евреев: утверждалось, что евреи оскверняют освященные просфоры (гостии). Естественно, это обвинение было предъявлено в момент возрастания популярности евхаристии, которое привело к учреждению праздника Тела Господня в 1264 году.

Преследование евреев зачастую приводило к их массовым выселениям. Так произошло с евреями в Англии в 1290 году и во Франции — в 1306 году. Французские евреи, правда, постепенно возвращались, их окончательное выселение с территории Франции произошло только в 1394 году. В XIV веке гонения на евреев возобновились с новой силой, и связано это было с бедствиями того времени. В 1321 году евреев вместе с прокаженными обвинили в отравлении колодцев. Последовала волна погромов. Хуже того, в Германии, например, когда в 1348—1350 годах началась и стала набирать силу эпидемия чумы, виновными тоже оказались евреи; идея о намеренном заражении все шире распространялась по христианской Европе.

Изоляция евреев, делавшая их все более беззащитными перед

гонениями, еще усилилась в XII и XIII веках. Владеть землей и обрабатывать ее евреям было запрещено, как и заниматься большинством ремесел. Крупнейшая акция по выселению евреев прошла на Пиренейском полуострове в 1492 году. В том же году перестало существовать последнее мусульманское королевство в Испании — Гранадский эмират. Испанские «католические короли» зашли дальше всех христианских суверенов в реализации идеи чистоты крови (*limpieza del sangre*). Потом всюду, откуда евреи не были изгнаны, в частности в итальянском папском государстве и в имперских владениях в Германии, они будут помещены в гетто, имевшие двойную функцию — защиты и изоляции.

Несмотря на огромное количество запретов, евреи продолжали предоставлять займы, но в небольших масштабах, без размаха. В результате, кроме преследований за ростовщичество со стороны Церкви и правителей, им была обеспечена ненависть христиан, не способных обойтись без их финансовой поддержки. Евреи сохранили серьезные медицинские познания, поэтому некоторые из них становились личными врачами влиятельных и богатых людей. Большинство Пап и королей христианских государств (в том числе Людовик Святой) лечились у врачей-евреев.

В тот период складывания европейской традиции гонений практика преследования евреев была, очевидно, самой устойчивой и отвратительной. Я не уверен, что к этим событиям применимо слово «расизм», поскольку этот термин связан с понятием расы и псевдонаучными утверждениями. В Средневековье ситуация была принципиально иной. Но определить это просто как рост враждебности христиан по отношению к иудеям, имевшей главным образом религиозную природу, то есть как антииудаизм, будет явно недостаточно, чтобы описать явление в целом. Ведь в то время религия настолько определяла всю жизнь людей, что даже отдельного понятия «религиозный» не существовало: оно появится только в XVIII веке. В средневековом христианском обществе закладывались основы европейского антисемитизма.

СОДОМИТЫ

Третьей категорией преследуемых и изгоев были гомосексуалисты. Христианство переняло запреты Ветхого Завета, который сурово осуждал содомию, и порок жителей Содома интерпретировался как сексуальное извращение. Однако, по-видимому, в реальности к проявлениям содомии относились более-менее терпимо, особенно в монашеской среде. Но хотя XII век называли «временем Ганимеда», начавшиеся тогда перемены коснулись и содомитов, тем более что с изменением концепции природы сексуальные отклонения перешли в разряд более тяжелых провинностей — как грех против природы; гомосексуализм стали не только осуждать, но и окружили

молчанием, это был «грех неназываемый». Обвинения в содомии выдвигались достаточно часто, прежде всего против людей, которых хотели опозорить и подвергнуть самым жестоким наказаниям, в том числе и смертной казни. При этом упоминания о лесбийских отношениях крайне редки. В гомосексуализме обвиняли, например, мусульман. То же обвинение предъявили членам воинствующего ордена тамплиеров, который был заклемен и распущен, а главу ордена Жака де Моле в начале XIV века сожгли на костре. Среди сильных мира сего содомию воспринимали более-менее терпимо. Соответствующей ориентации придерживались два, а может, и три короля Англии. Весьма вероятно (но не доказано), что Ричард Львиное Сердце был гомосексуалистом. Это же можно с достаточной уверенностью сказать о Вильгельме Рыжем (1087—1100) и, без сомнения, об Эдуарде II (1307—1327). Последний был низложен, а затем убит, также, как и его фаворит.

Начиная с середины XIII века за содомию, как и за многие другие отклонения, стала преследовать инквизиция. Довольно значительное число гомосексуалистов было сожжено. Но терпимое отношение к ним все же кое-где сохранялось (особенно в XV веке), — в основном это касается Италии, и прежде всего Флоренции. <...>

Европа во времена крестовых походов

Ярчайшее событие, которое потрясло христианскую Европу в XI—XIII веках и до сегодняшнего дня занимает особое место в учебниках истории, — крестовые походы. Само слово *croisade* («крестовый поход») появилось позже, в конце XV века (хотя такие выражения, как *se croiser*, [24] *croisé*, [25] существовали уже в XII веке), — оно означает военные действия христиан в Палестине, направленные на то, чтобы отобрать у мусульман Гроб Господень, то есть Гробницу Христа в Иерусалиме, а также Святую Землю. Средневековые христиане воспринимали крестовые походы как отвоевывание назад своей собственности, наподобие Реконкисты на Пиренейском полуострове. На самом же деле римское господство над Иерусалимом сменилось византийским (это был единственный период властвования над ним христиан), а потом — мусульманским, и ни в какой момент не существовало особого христианского института власти, управлявшего Святой Землей. Кроме того, она являлась святым местом еще и для иудеев (хотя римское завоевание и последовавшее за ним рассеяние евреев оставили еврейское население Иерусалима в меньшинстве), а также местоположением важной исламской святыни: именно здесь произошло вознесение Мухаммеда со скалы на небо. Мы уже говорили о том, что для западных христиан Иерусалим очень рано стал главным объектом паломничества. Нашествие турок в этот регион, начавшееся в X веке, было

использовано христианами как повод для перемены отношения к мусульманам. Но суть дела в другом. Религиозные и идеологические причины крестовых походов сложились как результат двух длительных процессов. Первым и, вероятно, более значимым было возникновение в христианстве воинственного настроения. Евангельское христианство было миролюбивым и враждебно относилось к войне, и сам Иисус был не просто образцом миролюбия, а настоящим пацифистом. Одной из главных причин преследования христиан римскими императорами был их отказ от военной службы. Отказ этот объяснялся не только нежеланием христиан приносить присягу императору, но и тем, что они были противниками кровопролития. Позиция христианства в этом вопросе начинает меняться в конце IV века, когда империя становится христианской. С этого момента все граждане империи — отныне христиане — были обязаны защищать ее. Тем не менее настороженное отношение к войне просуществует в христианстве еще долго. Даже после того как позиция христианства в отношении военных действий существенно изменилась, ношение оружия и, следовательно, кровопролитие, к которому может привести обладание оружием, были запрещены епископам и, кроме того, практически всем клирикам. Исключения из этого правила были достаточно редкими. Единственным исключением, которое Церковь не только позволила, но и поощряла, были духовно-рыцарские ордена, созданные для защиты христианских святынь, а также для выполнения определенных задач внутри Западного мира; начиная с XII века они представляли собой группы монахов-всадников и действовали, например, на Пиренейском полуострове или в Пруссии и Ливонии вместе с тевтонскими рыцарями. Однако самым важным этапом явилось появление теории справедливой войны, основы которой разработал святой Августин. Справедливая война — это война, задуманная и ведущаяся не частным лицом, а правителем, наделенным высшей властью, каким был, например, христианский император; потом этот же статус получили короли и другие верховные правители. При этом такая война исключала идею агрессии. Христианство по-прежнему не признавало превентивной войны: справедливая война должна была являться ответом на агрессию или несправедливость. Она не могла вестись ради завоевания территорий или ради наживы, в ходе нее не могла подвергаться опасности жизнь безоружного населения (женщины, дети, монахи, купцы и т. д.). Зато законной с христианской точки зрения выглядела война против язычников или мусульман, которых тоже причисляли к язычникам.

Но для того чтобы справедливая война стала войной священной, недоставало еще одного важного фактора. Все началось с того, что папский престол обращался за военной защитой, например, к франкам, которые при Карле Великом защищали папские владения от лангобардов, а в XI веке — от сицилийских норманнов. В общем, папский престол постепенно стал считать священной войной военные действия христианских народов, которые

защищали папские владения от нападений других империй. Тем временем, как наглядно продемонстрировали Поль Альфандери (Alphandéry) и Альфонс Дюпрон (Dupront), образ Иерусалима в XI веке все больше воодушевлял жителей христианского мира, в котором как раз только что начался заметный демографический и экономический подъем. В результате демографического роста образовался существенный пласт молодежи, в том числе и выходцев из рыцарской среды, не имеющей ни земель, ни собственной семьи. Значение этого слоя населения хорошо показал Жорж Дюби. С другой стороны, дворянство обогащалось и у его представителей появлялись средства, чтобы лучше вооружиться и снаряжать военные экспедиции.

Наконец, продолжалось смягчение негативного отношения христианства к войне, начавшееся со времен обращения варваров; мечи получили крещение и продолжали исполнять свою функцию уже с благословения Церкви. Парадоксальным образом, идею крестовых походов во многом породило мирное движение, которым был отмечен тысячный год — прежде всего потому, что справедливая война стала для Церкви способом восстановления справедливости и мира. Кроме того, справедливая война понималась как борьба с насилием и жестокостью. Решающая роль принадлежала папскому престолу. Папы видели в обращении христианской военной мощи против мусульман множество выгод. Несомненно, это был способ выгодно использовать растущее благоговение людей перед Иерусалимом и Христом. Кроме того, появилась возможность перенаправить военные амбиции молодежи против неверных, и, наконец, папскому престолу представлялась возможность встать во главе всего христианского мира, поскольку вести войну, в которой религия столь тесно сплетается с политикой, надлежало лишь верховному властителю религиозного мира, которым и мечтал быть Папа. И наконец, не случайно Папа, вдохновивший крестовые походы, Урбан II, принадлежал к клюнийскому ордену. Идея крестовых походов отлично вписывалась в перспективу преобразования христианского мира, которое задумывалось влиятельным клюнийским сообществом.

Итак, папский престол способствовал распространению идеи священной войны; ее символом стал матерчатый крест, который нашивали на грудь участники крестовых походов. Так христианство отчасти уподобилось исламу, в котором с самого начала, согласно Корану, ведение священной войны (джихада) считалось главной обязанностью верующих.

Я не буду излагать здесь историю крестовых походов. Напомню только, что первый из них завершился взятием Иерусалима в 1099 году, которое ознаменовалось массовым истреблением мусульман христианами; за этим последовало создание христианских государств в Палестине, главным из которых стало латинское Иерусалимское королевство.

После захвата мусульманами Эдессы в 1144 году святой Бернард провозгласил Второй крестовый поход, который был предпринят

императором Конрадом III и королем Франции Людовиком VII и закончился неудачей. В 1187 году арабский султан, курд по происхождению, Салах ад-Дин (Саладин) во главе большого мусульманского войска разбил при Хаттине армию иерусалимского короля и захватил его столицу и все королевство, кроме города Тира. Третий крестовый поход предприняли император Фридрих Барбаросса, который, отправившись сухопутным путем, по неосторожности утонул в одной из рек Анатолии, а также король Англии Ричард Львиное Сердце и король Франции Филипп Август, которые предпочли добираться в Святую Землю по морю. Этот поход тоже закончился поражением, и теперь Иерусалим был навсегда потерян для христиан.

В XIII веке энтузиазм в отношении крестовых походов заметно ослаб. Император Фридрих II положил конец Шестому крестовому походу в 1228—1229 годах, заключив с мусульманами договор, который большинство жителей Европы сочли позорным. Анахроничный всплеск былого крестоносного пыла, а с ним и желание если не отвоевать святыне земли, то хотя бы обратить в христианство неверных, способствовали подготовке еще двух крестовых походов, закончившихся неудачей. Их предпринял французский король Людовик IX (Людовик Святой): первый — в Египет и Палестину (1248—1253), второй — в Северную Африку, где в 1270 году под Карфагеном король умер. Последние оплоты христианства в Святой земле были захвачены мусульманами в 1289 (Триполи) и в 1291 (Акра и Тир) годах.

Идея крестового похода вызывала более-менее живой интерес отдельных правителей христианского мира и кое-кого из простых христиан до XV века. Создание Османской империи после взятия турками Константинополя в 1453 году изменило отношение европейских христиан к Иерусалиму. Тем не менее, как убедительно показал Альфонс Дюпрон, иерусалимский миф, видоизменяясь, просуществовал до наших дней, и в совершенно ином контексте противостояния Америки и мусульманских интегралов идея крестового похода, к сожалению, вновь возвращается к жизни.

Итоги крестовых походов оценивались в разное время очень по-разному. До недавних пор западные историки видели в них по большей части стимул к объединению Европы и признак жизнеспособности средневекового Запада. Подобные взгляды постепенно отходят в прошлое. Современный исследователь Жан Флори говорит о существовании «парадоксов крестовых походов».

Парадокс первый: «Крестовые походы велись христианами во имя религии, которая изначально призывала к миролюбию, против мусульман, исповедующих религию, которая, наоборот, изначально проповедовала джихад, но при этом на завоеванных землях ее приверженцы проявляли довольно большую терпимость».

Парадокс второй: «Крестовые походы явились завершением более

масштабного процесса отвоевывания христианских земель, которое началось в Испании и именно там приобрело первые признаки священной войны, — потом эта ее составляющая усилилась, и новым объектом отвоевывания стали Иерусалим и Гроб Господень. Однако если Реконкиста на Западе увенчалась полным успехом, то на Ближнем Востоке этот процесс закончился неудачей: он спровоцировал контрнаступление мусульман, которое привело к захвату Константинополя в 1453 году и к тому, что османская угроза нависла над Восточной Европой».

Парадокс третий: «Изначально целью крестовых походов считалась защита христиан на Востоке — в колыбели христианства — и помощь Византийской империи в отвоевывании земель, захваченных мусульманами, что должно было впоследствии способствовать объединению христианских Церквей. На самом же деле крестовые походы усилили и закрепили раскол между ними».

Парадокс четвертый: «Крестовый поход, провозглашенный Урбаном II, был представлен как война, направленная на освобождение Палестины, и одновременно как паломничество ко Гробу Господню. Однако эта война разделилась на многочисленные сражения, которые Церковь, точнее, папская власть вела не только против внешних врагов, но и против еретиков, раскольников и политических противников внутри христианского мира».

Мне представляется, что последствия крестовых походов не ограничиваются усложнением отношений западных христианских стран с исламом и с Византией. Сегодня мусульмане, не отстававшие, к слову сказать, от христиан по части священной войны, возрождают память об агрессии, которую представляли собой крестовые походы, и выдвигают мысль об исторической вине христианства. На мой взгляд, если не считать этого конфликта, крестовые походы ознаменовали собой конец одной иллюзии, бытовавшей в европейском христианском мире, — представления о том, что его столицей является Иерусалим. В этом смысле неудача крестовых походов стала благоприятным фактором для упрочения европейского единства. Она надолго закрепила представление о тождественности территории Европы и христианского мира. Если говорить о Византии, то совершенно верно, что крестовые походы углубили пропасть между Европой Западной и Восточной, или латинской и греческой, — в особенности после 1204 года, когда участники Четвертого крестового похода, отклонившись от своего пункта назначения в Палестине, отправились завоевывать и грабить Константинополь и образовали там недолговечную Латинскую империю. По моему мнению, крестовые походы оказали отрицательное влияние и на ситуацию в самой Европе, в Западном мире. Походы не только не способствовали более тесному союзу христианских государств, но усилили их соперничество. Это проявилось, например, в отношениях между Францией и Англией. Наиболее динамичные силы Европы, итальянские и каталонские торговцы, принимали участие в этих походах лишь в очень

редких случаях, а по большей части держались в стороне и переносили свою экономическую деятельность на Восток, лишая Запад связанных с ней выгод. К тому же крестовые походы принесли Западу явные убытки, поглотив множество человеческих жизней и средств. Когда-то давно я написал, что единственной пользой от крестовых походов мне кажется знакомство европейцев с абрикосом, — я и до сих пор так считаю.

Крестовые походы — первое проявление процесса европейской колонизации?

Исходя из долговременной перспективы, на которую ориентирована вся эта книга, мне остается рассмотреть один важный вопрос. Не являлось ли создание латинских государств на Ближнем Востоке в процессе крестовых походов, в частности латинского Иерусалимского королевства, первым проявлением процесса европейской колонизации, который неоспоримо набирает силу с XVI века? Это мнение разделяли виднейшие историки, например израильский ученый Исайя Правер (Prawer). Я с ними не согласен. Латинские государства в Палестине можно лишь с очень большой натяжкой назвать колониями в смысле экономической эксплуатации или заселения выходцами из Европы. Экономический подъем христианских городов Средиземноморья был вызван не крестовыми походами, а относительно мирным перетоком в эти города византийских и мусульманских богатств. Число христиан, переселившихся на Ближний Восток, было весьма незначительным. К тому же, если в современную колониальную эпоху связи между колониями и метрополиями ослаблялись, а иногда и разрывались, то между государствами Святой Земли и христианскими государствами Европы таких связей никогда не существовало. Эти недолговечные порождения крестовых походов остаются исключительно средневековым явлением.